

Рецензии
Reviews

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-318-327>

УДК 008+821.161.1.0

ББК 71

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. О. В. Никитин

г. Петрозаводск, Россия

**СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ШАХМАТОВЫХ:
НЕОБЫЧНАЯ КНИГА ИЗ НОРВЕЖСКОГО АРХИВА
(РЕЦЕНЗИЯ: МАСАЛЬСКАЯ-СУРИНА Е. А. ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ /
Е. А. МАСАЛЬСКАЯ-СУРИНА.
М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМ. САБАШНИКОВЫХ, 2019. 568 С.)**

Ключевые слова: семейная хроника, история и философия культуры, филологическое краеведение, славянская литература, источниковедение, А. А. Шахматов.

Информация об авторе: Олег Викторович Никитин — доктор филологических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет, проспект Ленина, д. 33, 185910 г. Петрозаводск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>. E-mail: olnikitin@yandex.ru

Дата поступления статьи: 11.07.2020

Дата публикации: 28.12.2020

Для цитирования: Никитин О. В. Семейная хроника Шахматовых: необычная книга из норвежского архива // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 318–327. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-318-327>

... великий русский человек
необычайной высоты духа
и гражданской честности,
самоотверженный покровитель
всякого научного дарования,
«один из немногих русских гуманистов».

В. В. Виноградов «Алексей Александрович Шахматов»
[2, с. 28]

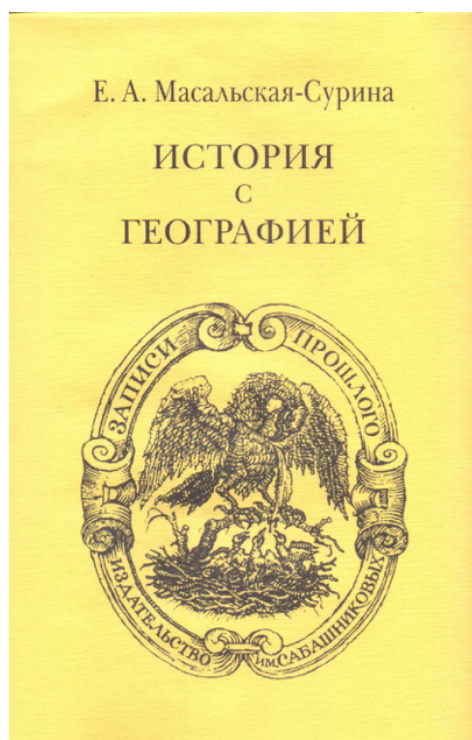
О знаменитом филологе, историке, исследователе письменной культуры, древнерусской литературы, этнографии и фольклора академике А. А. Шахматове (1864–1920) за последние сто лет издано немало глубоких статей (Д. И. Абрамович, Д. В. Бубрих, Е. Ф. Карский, Д. С. Лихачев, Г. А. Ильинский, Л. Б. Модзалевский, С. П. Обнорский, А. Н. Робинсон, П. Н. Сакулин и др.), обстоятельных обзоров (В. Г. Вовина-Лебедева, Ю. В. Готье, В. М. Истрин, С. Ф. Ольденбург, Б. М. Соколов, М. Н. Сперанский,

Д. Н. Ушаков и др.), воспоминаний (А. А. Грушка, И. Г. Голанов, Е. А. Масальская, В. И. Срезневский, П. А. Расторгуев) и даже одно прекрасно написанное художественное произведение — «Такого не бысть на Руси преже...». Повесть об академике А. А. Шахматове» [4].

Редкий факт в посмертной биографии ученого: первая книга об А. А. Шахматове вышла в свет спустя два года после ухода из жизни «голубицы» (выражение Ф. Е. Корша). Ученик Алексея Александровича, тогда еще совсем молодой В. В. Виноградов, по живым воспоминаниям, на одном дыхании написал этот очерк, открывшийся таким абзацем: «В истории русской филологии нет главы более яркой и волнующей, чем деятельность Алексея Александровича Шахматова. Биография его — гениального лингвиста и исключительно прекрасного человека — неизбежно должна превратиться в повесть о строительстве “молодой еще науки о русском языке”» [2, с. 5].

Большой научный и семейный архив рода Шахматовых сохранился главным образом в Санкт-Петербургском академическом собрании и в РГАЛИ. Причем изучение личной, бытовой стороны жизни дворян дореволюционной России (и А. А. Шахматов здесь не исключение) было фактически закрыто для объективного исследования в советское время. Выпущенная в издательстве М. и С. Сабашниковых в 1929 г. книга Е. А. Масальской «Повесть о брате моем А. А. Шахматове» по цензурным соображениям была сильно сокращена: удалось издать лишь первую часть «Легендарный мальчик» [5], две остальные не вошли в семейную хронику. Полная версия книги была опубликована позднее [6]. Многочисленные письма и документы, касающиеся деятельности ученого, частично еще никем не обнародованные, находятся в десятках хранилищ в России и за рубежом — от Саратова до Осло! Но многое удалось сделать в послевоенное время подъема интереса к славистике. В книгах тех лет (см., например: [3; 8 и др.]) раскрываются научные и культурные контакты филолога с отечественными и зарубежными славистами, даются оценки трудам и событиям его времени, содержатся обстоятельные комментарии к работам других ученых.

150-летие со дня рождения А. А. Шахматова было отмечено выходом в свет большого коллективного труда, изданного по итогам научной конференции [1]. И в последнее десятилетие интерес к личности общественного деятеля, председательствующего в Отделении русского языка и словесности Императорской АН в самый трагический период ломки духовных традиций не угасает. Примерами тому могут быть изданный РАН первый том переписки А. А. Шахматова, подготовленный историками и филологами-архивистами [9], а также две книги из старинной серии «Записи прошлого», возобновленной издательством имени Сабашниковых в Москве: «Воспоминание о моем брате А. А. Шахматове» [6] и «История с географией» [7], написанные его сестрой Е. А. Масальской-Суриной (1862–1940) в жанре литературно-документального повествования о жизни и деятельности А. А. Шахматова и его ближайшего окружения, о культурно-бытовой и научной истории России XIX – первых десятилетий XX в.

В настоящей рецензии речь пойдет о второй книге семейной хроники — «История с географией», охватывающей период с 1908 по 1925 гг. В ней четыре части (61 глава): «Минск», «Щавры», «Сарны», «Глубокое». Рукопись всей книги, как отметила ее составитель профессор Т. П. Лёнигрен, хранится в фонде слависта Олафа Брока в Норвежской Национальной библиотеке Осло (с. 5). Отдельные материалы имеются и в РГА-ЛИ, но они доведены до 1914 г. (с. 5). Заключительная часть в личном собрании Олафа Брока представлена в виде машинописи на французском (!) языке со вставками и исправлениями, сделанными рукой Е. А. Масальской-Суриной. Перевод с французского был осуществлен при подготовке настоящего издания. Таким образом, перед нами самая полная версия воспоминаний Е. А. Масальской-Суриной, которые до нынешнего времени не были доступны славистам, а теперь должны стать предметом обсуждения и, без сомнения, войдут в копилку современной историко-филологической науки.

Если повесть о «легендарном мальчике» рассказывала о предках Шахматовых, о его детских и юношеских годах, об учебе в гимназии и университете и завершалась началом академической карьеры в 1890-х гг., то здесь центром повествования являются в большей мере семейные отношения и личная жизнь Е. А. Масальской-Суриной в доме Шахматовых. Под ее пером воссоздаются и совсем камерные, родственные картины жизни дворян в начале XX в., их духовные искания, финансовые и хозяйственные проблемы и т. д. В этой книге фигура академика А. А. Шахматова значима как духовный стержень семьи, как идеал ученого. Е. А. Масальская повествует о малоизвестных фактах из биографии Алексея Александровича, например, о его участии в деятельности Минского церковного историко-археологического общества и особенном интересе к местным рукописным древностям. Многие обстоятельства тех лет автор передал документально, цитируя имевшиеся в семейном архиве письма Лели (так его называли близкие). Вот, например, фрагмент одного из них: «Меня очень соблазняет перспектива съездить в Пинский уезд, но не знаю, будет ли время, хватит ли денег? Я теперь работаю всецело над языком, и мне весьма было бы важно прослушать хорошую белорусскую речь. Здесь трудно найти белоруса, не тронутого городской культурой и не изломавшего свой язык. Мечтаю завести хороший фонограф, который перенимал бы речь» (из письма 22 ноября 1908 г.) [7, с. 56].

Другие фрагменты и записные книжки А. А. Шахматова, которые воспроизведены в книге, свидетельствуют о том, с какой пунктуальностью документалиста он описывал увиденное и сопереживал этому. Говоря о местном учителе, академик отметил: «Его мечта попасть в учительский институт. К тому же тяжелые условия здесь, квартира холодная и сырая, а школа совсем не снабжена учебными пособиями, на ученика приходится по 15 копеек, нет учебников, бумаги, перьев. Удивительно все в беспризорном виде, и никому-то нет об этом заботы» [7, с. 58]. Кроме записей говора, прослушивания сказок и песен, по воспоминаниям Е. А. Масальской-Суриной, ее брат был потрясен бытом простых людей, их нищетой и не скрывал этого в своих письмах к сестре: «И вообще я вынес очень много из своей кратковременной поездки, т<ак> к<ак> был в самом тесном общении с крестьянами. Беднота и глушь страшная. Я привез образец хлеба, который они едят. Это что-то ужасающее, доведу его до Петербурга» (из послания 31 декабря 1908 г.) [7, с. 59].

Старшая сестра А. А. Шахматова Е. А. Масальская-Сурина проявила себя здесь не только как кропотливый историограф, собравший редкие биографические факты, бухгалтер и управляющая хозяйством семьи (в книге содержатся многочисленные финансовые выборки и расчеты о покупке имения), но и как незаурядный филолог и бы-

тописатель, который на страницах хроники сумел правдиво передать атмосферу эпохи, события Первой мировой войны и надвигавшуюся катастрофу революционных лет, рассказать от первого лица о сложностях и перипетиях провинциальной жизни в русской усадьбе, с горечью и болью в сердце поделиться личными утратами и борениями. Здесь представлены и философские размышления о грядущей судьбе России, показаны откровенные картины людских трагедий в лавине общественных потрясений и реакции на них своего поколения. В этом отношении книгу Е. А. Масальской-Суриной можно назвать высоким и заслуженным словом *подвиг*. Она сохранила в своих исторических записках настоящий, без украшения, облик уходящей дворянской культуры, показала рваную рану на теле Российской империи в последние годы ее существования. Она часто в силу семейных проблем находилась в эпицентре военно-полевых событий 1914–1915 гг.

В книге упоминаются многие известные имена крупных государственных деятелей и ученых: выдающегося языковеда и влиятельного политика И. А. Бодуэна де Куртенэ, норвежского слависта и друга А. А. Шахматова Олафа Брока, Виленского, а затем Эстляндского губернатора П. В. Верёвкина, генерала Д. Б. Голицына, лингвиста и этнографа Е. Ф. Карского, судебного оратора, юриста и литератора А. Ф. Кони, великого князя Константина Константиновича, филолога-классика Ф. Е. Корша, монархиста В. М. Пуришкевича, реформатора П. А. Столыпина, слависта и византиниста Т. Д. Флоринского, минского вице-губернатора К. М. Шидловского и многих других лиц, так или иначе находившихся в поле писательского зрения Е. А. Масальской-Суриной. А кроме них, имена местных помещиков и чиновников, священников, управляющих и торговцев, крестьян и дворовых людей — почти весь социальный срез сословий дореволюционной России.

Некоторые эпизоды из жизни Шахматовых воспроизведены автором книги почти художественно, с интонацией писателя-натуралиста, чувствующего природу, ее звуки и запахи. Эти фрагменты очень показательны, например, такой: «Да, нам теперь в Сарнах было так хорошо! Дни стояли теплые и солнечные, в начале ноября всегда столь темные и жуткие на севере. Иногда мы даже сидели в саду, в цветнике перед балконом, где еще доцветали астры и хризантемы. Оленька была в восторге. Мы и гуляли с ней, и катались, знакомясь с Сарнами» [7, с. 323].

Во многих строках звучат сокровенные слова о брате — самом близком друге детства, с которым Е. А. Масальскую-Сурину связывали и понятные родственные отношения, но больше всего — многолетняя переписка, откровенные признания друг другу, искренняя любовь и забота: «Мне казалось, что нам теперь слишком хорошо, и хотелось всячески прийти на помощь к Леле и его семье. Леле, который всегда так безропотно нес свою далеко не легкую жизнь, никогда не позволял себе отдыха!» [7, с. 323].

Заключительные главы книги описывают время Первой мировой войны, которое жестоко прошлось по судьбе автора книги. Она говорит об этих событиях как о большом человеческом горе и не может сдержаться, когда видит поле брани. Эти пронзительные, эмоционально насыщенные фрагменты текста хорошо показывают читателю резкую грань между прошлым и трагическим настоящим. Е. А. Масальская-Сурина с содроганием в сердце и высоким накалом пишет:

Благослови, Господи, мужественных и героических женщин, сестер милосердия. Я восхищалась ими, завидовала им, так как сама теряла сознание при одном только виде раненых. Какой

с меня прок? Пусть будут прокляты те, кто провоцирует войну и хвалится этим. Пусть будут прокляты ученые, изобретающие газы, взрывчатку, ружья и пушки. Пуля уносит в мгновение ока мужчину крепкого, полного сил, которому едва исполнилось двадцать пять, и он еще не достиг мужского расцвета, а потом страдают его близкие: мать, жена, дети. Будь прокляты дипломаты, разжигающие огонь вместо того, чтобы тушить его, с их комедиями о мирных союзах, организованными по окончании войны. <...> [7, с. 454].

Автор с нескрываемой тревогой делится своими душевными болями о годах начала смуты, предшествовавших революции. Но как же искренне, лирично, с трагизмом она об этом говорит:

Третьего числа мы смогли покинуть Петербург. Красота этой белой ночи, лесной аромат, соловьиная песня и Витя рядом со мной после пережитых страданий в разлуке. Значит, счастье было еще на этом свете, как казалось, а не только скорбь, слезы и невыносимые страдания? “Для меня война закончилась”, — сказала я мужу, повторив слова одного пленного немца. Раненые, жестокость, пожары, ужасы и безумие войны, мы живем в этом вот уже десять месяцев, не успевая перевести дыхание. Можно продолжать жить и вдыхать этот напоенный ароматом леса воздух. Счастье еще было на этой земле.

Но, увы! Война еще не закончилась даже для нас, так как мы не могли спрятаться и забыть о горе, охватившем нашу несчастную родину. Это был только солнечный лучик, который на мгновение проник сквозь завесу, окружавшую нас. Победа одержана не была. Потери, трагедии и отступление нашей армии, ужас кампании в Галиции с бесчисленными жертвами, наступление врага, пролитая кровь и канонады никак не могли позволить нам купаться в счастье.

Для меня было счастьем видеть, что мой муж, такой нервный и впечатлительный, с таким нежным сердцем, вырвался из этой ужасной военной жизни» [7, с. 457–458].

Или вот такой фрагмент погружает нас в атмосферу культурного перелома:

Наступили дни смуты, великой смуты. К счастью, мы были все вместе, под защитой моего брата и Академии, которая, как Ноев ковчег, качалась по волнам, и его выбрасывало то к Азорским островам, то, как Атлантиду, уносило в пучину [7, с. 486].

Писательский талант Е. А. Масальской-Суриной проявился и в другом: в умении прочувствовать и описать духовно-психологический портрет человека, рассказать о непростых и нелицеприятных поступках коллег в ученом сообществе, знакомых и родственников. Во всем калейдоскопе имен у автора были фигуры, к которым она выражала свое отношение очень эмоционально, лично, переживая и за судьбу А. А. Шахматова и отвечая на невольные обвинения и клевету со стороны родственников и позднее, уже после смерти брата, пасынка Димы, незаконно завладевшего именем Е. А. Масальской-Суриной. Кстати, четвертая часть ее книги, посвященная тяжбе за поместье в Глубоком, событиям военного времени и описанию ситуации вокруг наследства в первые годы советской власти, содержит в подзаголовке такое пояснение: «психологическое исследование».

Вот что, например, она написала о взаимоотношениях А. А. Шахматова и А. И. Соболевского:

Не в первый раз Соболевский заставлял Лелю мучиться и не спать ночей. Нельзя при этом не вспомнить первоначальную причину этой злой вражды Соболевского к Леле на фоне общего благожелательного отношения к нему в академическом мире (имеется в виду выступление гимназиста Шахматова с обстоятельными критическими замечаниями на диспуте по магистерской диссертации Соболевского в Московском университете — небывалый факт и по тем временам! —

О. Н.). Забыть это Соболевский никогда не мог, но к чему напоминал он об этом тем, кто забыл эту неприятную страницу его жизни, своими злыми выпадами и выходками? Всегда непонятны для меня были благоприятные отзывы Лели об этой враждебной к нему личности. Но не Соболевскому было ценить такое чисто христианское отношение Лели к нему [7, с. 156].

В главе 60 «Глубокое при советской власти» Е. А. Масальская-Сурина мастерски, с иронией и тонким психологизмом описывает такой эпизод:

Как и следовало ожидать, сильные войска Красной армии двинулись широкой поступью к Аршаве, как называли Варшаву русские солдаты. Одно из этих войск, а именно первый Петроградский батальон, остановился в Глубоком на отдых. И поскольку имение находилось на пути, они зашли во двор. Макар вышел им навстречу, чтобы любезно поприветствовать.

— Кто ты? — спросил его командир батальона с боевым видом.

— Макар, управляющий, — ответил тот.

— Макар? Родственник адмирала Макарова?

— Может быть, — ответил Макар, вероятно едва трезвый.

— Кому принадлежит это имение?

— Самому известному академику самой выдающейся академии в Петербурге, — заявил осмелевший Макар, даже не поморщившись.

— О, да мы в гостях у нашего академика в имении? Вы слышали, братки? Ничего не трогаем, отдадим ему дань уважения, я знаю имя этого академика [7, с. 513–514].

Судьба самой рукописи, до недавнего времени считавшейся утерянной (сохранилась, как мы упомянули, лишь ее часть в собрании А. А. Шахматова в РГАЛИ) и получившей второе рождение благодаря неутомимой деятельности профессора Т. П. Лённгрен, не менее загадочна, трагична и показательна, как и почти неизвестная современному читателю биография Е. А. Масальской-Суриной. В послереволюционные годы, когда рушились прежние устои и начинались гонения на старую гвардию ученых, Евгения Александровна мужественно переносила личные и общественные потрясения, выполняя завет брата остаться жить с его семьей и помогать ей. Автор вступительной статьи подробно рассказывает о семейной жизни писательницы, ее увлечениях, в том числе и генеалогией собственного рода [7, с. 9] и переводами скандинавских саг [7, с. 11–12], о поиске и покупке своего гнездышка — имения, и трагической смерти мужа. Т. П. Лённгрен раскрыла неизвестные обстоятельства жизни семьи академика А. А. Шахматова после его смерти: сложности взаимоотношений между сестрой и женой ученого, ревность последней к литературной работе Е. А. Масальской-Суриной; заключение под стражу Евгении Александровны из-за подозрения ее участия в подготовке книги Олафа Брока «Диктатура пролетариата», вызвавшей бурную реакцию в официальных советских кругах [7, с. 23], и др. Кроме этого, здесь содержатся редчайшие факты, связанные с биографиями крупных деятелей славянского просвещения: русского историка В. Н. Бенешевича, норвежского слависта Олафа Брока. Последний в страшные годы спасал от голода родственников и потомков А. А. Шахматова. Именно ему Е. А. Масальская-Сурина и доверила самый полный вариант своей рукописи, сумела тайно переправить ее в Норвегию в опасные 1930-е гг., сохранив для будущих исследователей живые эпизоды личной жизни на фоне жестоких потерь XX в.

Обо всем этом подробно, откровенно, с привлечением уникальных архивных источников повествует Т. П. Лённгрен, которая, как нам показалось, прошла сама этот нелегкий путь надежд и лишений и открыла для нас изнутри мир славистики — таким по-документалистски кинематографическим его еще никто не представлял.

Другой важной заботой Евгении Александровны, как стало понятно из разысканий Т. П. Лённгрен, явилось написание семейной хроники. Этому сестра А. А. Шахматова посвятила много лет, сберегая по крупицам мемуары, письма, отклики — всё, что могло иметь отношение к жизни и деятельности любимого брата. Показательна характеристика, данная Б. Л. Модзалевским Е. А. Масальской-Суриной после прочтения первых глав рукописи «Воспоминаний о моем брате А. А. Шахматове» (начальной части семейной хроники):

Талантливая писательница, обладающая даром художественного и живого изложения, Е[вгения] А[лександровна], сумела сделать свое произведение высокозанимательным и ценным по существу; будучи привязана к брату самыми нежными чувствами старшей сестры, она была всегда в курсе его личных и научных интересов, всей его работы, была ближайшею свидетельницей развития его исключительных дарований, поддерживала горевший в нем с детства священный огонь, переживала с ним все его горести и радости <...> в своих письмах к сестре покойный ученый откровенно высказывал ей все, что его занимало и волновало и в них, как в зеркале, отразился весь его прекрасный нравственный облик, виден весь его душевный мир <...>. Составленный на основании этих и других семейных писем и бумаг труд Е. А. Масальской-Суриной, умело использовавшей для него и свои личные, очень отчетливые и богатые воспоминания, — представляет собою явление высокой ценности и значения [7, с. 13–14].

В этих словах перед нами возникает незаурядная фигура писателя-исследователя, яркого и достоверного наблюдателя, человека исключительной воли и силы духа, отдавшего всю жизнь во имя прославления подвигов «легендарного мальчика» — А. А. Шахматова.

История подготовки и написания продолжения семейной летописи, о которой мы рассуждаем в этой рецензии, рассказана Т. П. Лённгрен в деталях, в извлечениях из архивных материалов, в сопоставлении с вновь обнаруженными фактами (особенно интересна здесь «Исповедь» Е. А. Масальской-Суриной В. Д. Бонч-Бруевичу, опубликованная в конце книги). Это целая эпопея борьбы за справедливость, за правду — духовный подвиг сестры великого ученого. Евгения Александровна по своей инициативе, снова полагаясь на незыблемые для нее нравственные принципы, в 1930-е гг. уходит из семьи Шахматовых в дом престарелых, освобождая свою комнату для одной из дочерей ученого и посвящая себя полностью реализации задуманного замысла — созданию продолжения повести — «Истории с географией». Рукопись чудом уцелела в перипетиях XX в.

Наука учит нас не только поиску фактов, но и призывает к памятливому и кропотливому труду для сохранения канувших в Лету островков дворянской культуры старой России. Шахматовы были ее частью и стойчески выносили жестокие картины быта того противоречивого времени. А теперь благодаря воскресшей книге из норвежского архива мы имеем редкие и притом достоверные факты о жизни России в первые десятилетия XX в.

Жанр рецензии предполагает не только обзор, но и критическое осмысление текста. Правда, в данном случае перед нами художественно-историческое повествование — хроника, а если угодно — литературный памятник — «записи прошлого». Поэтому мы не можем анализировать его внутреннюю ткань и не будем делать замечаний по поводу «концепции» автора и писательской манеры Е. А. Масальской-Суриной. Скажем лишь о тех очевидных типографских погрешностях, которые нам встретились при ознакомлении с этой замечательной книгой. На с. 12 в сносках 3 и 7 дважды встречается

опечатка в инициалах автора книги: вместо «<...> Е. А. Масальской-Суриной <...>» дано «<...> Е. М. Масальской-Суриной <...>»; на с. 25 ошибочно указаны инициалы И. И. Срезневского вместо В. И. Срезневского: «<...> Шахматов <...> хранил вместе с И. И. Срезневским документы и нелегальную литературу, переданную в архив Академии <...>». Заметим, что И. И. Срезневского тогда уже не было в живых, а вот его сын, Всеволод Измайлович Срезневский (1867–1936), известный археограф, филолог, палеограф и библиограф, работал в Библиотеке Академии наук, где занимал должность хранителя Отделения славянских рукописей. Он отлично знал архивное дело.

Далее в тексте самого произведения также встречаются мелкие погрешности. Например, на с. 526 (7-я строка сверху) напечатано: «...прежний приказчик Дерезвеческого монастыря...». Скорее всего, имелся в виду Березвечский монастырь на территории нынешней западной Белоруссии недалеко от усадьбы Е. А. Масальской-Суриной в Глубоком.

Надеемся, что при возможном переиздании хроники эти опечатки будут устранены.

Книга вышла в популярной исторической серии издательства имени Сабашниковых «Записи прошлого», но оформлена вполне по академическим правилам: кроме статей, предваряющих текст автора, и приложения «Исповедь Е. А., сестры А. А. Шахматова, другу его Вл. Д. Бонч-Бруевичу», содержит «Примечания» и «Указатель имен», которые помогают читателям разобраться в биографических тонкостях и улучшают структуру почти документального повествования.

Издание было осуществлено при финансовой поддержке Представительства Университета Осло в Санкт-Петербурге и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Вся исследовательская и подготовительная работа в норвежских и российских архивах проводилась инициатором проекта и составителем книги профессором Университета Тромсё (Норвегия), доктором филологии Т. П. Лённгрен, знатоком работы с рукописными текстами и человеком высоких нравственных принципов в науке. Ее многолетняя подвижническая деятельность по поиску и расшифровке писем, исторических и мемориальных материалов по филологии и обнародованные ею неизвестные документы о русско-норвежских контактах, публикации статей и книг об истории науки являются примером того, как бережно следует относиться к славистике. По сути дела, своими архивными открытиями она заполнила лауну «филологического отечествоведения» и показала современным исследователям ориентиры подлинного научного творчества, которое невозможно без изучения исторических фактов, без проникновения в богатство архивов, личных фондов и библиотек, без любви к своему делу. Мы можем назвать это заслуженно Школой Т. П. Лённгрен — продолжением старой Московской школы классической славистики Фортунатова — Шахматова — Брока...

Рецензируемая книга — летопись жизни рода Шахматовых и география их скитаний — ценный материал по истории и философии культуры, филологическому краеведению, этнографии, военному делу, персонологии, литературоведению и в то же время уникальный документ эпохи. Каждый читатель, кто проникнется переживаниями Е. А. Масальской-Суриной, наверное, станет немного ближе к истинным ценностям и откроет для себя очень интересные, живые события и портреты утраченного времени. Высокий смысл исторических сюжетов, воссозданных автором книги, страдальческую верность любимому брату, семейному очагу и традициям дворянской культуры Евгения

Александровна пронесла сквозь мрачные годы лишений, но сохранила вдохновенную память о былом как тонкий мемуарист, как живой биограф и обаятельный в своей неподражаемой писательской стилистике художник слова.

Поклонимся и мы ей за этот подвиг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого.* СПб.: Нестор-История, 2015. 1037 с.
- 2 *Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов.* Пг.: Колос, 1922. 80 с.
- 3 *Греков Б. Д. Документы к истории славяноведения в России (1850–1912) / под ред. акад. Б. Д. Грекова.* М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 408 с.
- 4 *Макаров В. И. «Такого не бысть на Руси прежде...»: Повесть об академике А. А. Шахматове.* М.: Алетейя, 2000. 390 с.
- 5 *Масальская Е. А. Повесть о брате моем А. А. Шахматове.* М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1929. Ч. I: «Легендарный мальчик». 248 с.
- 6 *Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове.* М.: Изд-во им. Сабашниковых: Изд-во РГАЛИ, 2012. 597 с.
- 7 *Масальская-Сурина Е. А. История с географией.* М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2019. 568 с.
- 8 *Шахматов А. А. 1864–1920: Сб. ст. и мат.* М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 476 с.
- 9 *Шахматов А. А. Избранная переписка: в 3 т. / авторы-сост.: В. Г. Вовина-Лебедева, Е. Н. Груздева, А. Е. Жуков.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным. 944 с.

© 2020. Oleg V. Nikitin
Petrozavodsk, Russia

**SHAKHMATOV FAMILY CHRONICLE:
AN UNUSUAL BOOK FROM THE NORWEGIAN ARCHIVE
(REVIEW: MASALSKAYA-SURINA E. A. HISTORY WITH GEOGRAPHY /
E. A. MASALSKAYA-SURINA. MOSCOW, SABASHNIKOV PUBLISHING HOUSE,
2019. 568 P.)**

Keywords: family chronicle, history and philosophy of culture, philological local lore, Slavic literature, source studies, A. A. Shakhmatov.

Information about the author: Oleg V. Nikitin — PhD in Philology, Professor, Department of Russian, Petrozavodsk State University, Lenin Pr., 33, 185910 Petrozavodsk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>. E-mail: olnikitin@yandex.ru

Received: July 11, 2020

Date of publication: December 28, 2020

For citation: Nikitin O. V. Shakhmatov Family chronicle: An unusual book from the Norwegian archive. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 58, pp. 318–327. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-318-327>

REFERENCES

- 1 *Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie: sbornik statei k 150-letiiu so dnia rozhdeniia uchenogo* [Academician A. A. Shakhmatov: life, creativity, scientific heritage: collection of articles for the 150th anniversary of the scientist's birth]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015. 1037 p. (In Russian)
- 2 Vinogradov V. V. *Aleksei Aleksandrovich Shakhmatov*. Petrograd, Kolos Publ., 1922. 80 p. (In Russian)
- 3 Grekov B. D. *Dokumenty k istorii slavianovedeniia v Rossii (1850–1912)* [Documents on the history of Slavic studies in Russia (1850–1912)], edited by academician B. D. Grekov. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1948. 408 p. (In Russian)
- 4 Makarov V. I. “*Takogo ne byst' na Rusi prezhe...*”: *Povest' ob akademike A. A. Shakhmatove* [“There was no such thing in Russia before...”: a Story about academician A. A. Shakhmatov]. Moscow, Aleteia Publ., 2000. 390 p. (In Russian)
- 5 Masal'skaia E. A. *Povest' o brate moem A. A. Shakhmatove* [The story of my brother A. A. Shakhmatov]. Moscow, Izdanie M. i S. Sabashnikovykh Publ., 1929. Part I: “*Legendarnyi mal'chik*” [“The Legendary boy”]. 248 p. (In Russian)
- 6 Masal'skaia E. A. *Vospominaniia o moem brate A. A. Shakhmatove* [Memories of my brother A. A. Shakhmatov]. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh Publ.: Izdatel'stvo RGALI Publ., 2012. 597 p. (In Russian)
- 7 Masal'skaia-Surina E. A. *Istoriia s geografiei* [History with geography]. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh Publ., 2019. 568 p. (In Russian)
- 8 Shakhmatov A. A. *1864–1920: Sbornik statei i materialov* [1864–1920: Collection of articles and materials]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1947. 476 p. (In Russian)
- 9 Shakhmatov A. A. *Izbrannaia perepiska: v 3 t.* [Selected correspondence: in 3 vols.], authors-compilers: V. G. Vovina-Lebedeva, E. N. Gruzdeva, A. E. Zhukov. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2018. Vol. 1: *Perepiska s F. F. Fortunatovym, V. N. Perettsem, V. M. Istrinym* [Correspondence with F. F. Fortunatov, V. N. Peretz, V. M. Istrin]. 944 p. (In Russian)